59

«СЕВЕРНАЯ ПРАВДА»
г. Кострома

Художник, мыслитель, искатель...

МЫСЛИ О ТОЛСТОМ

...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе.

В. ЛЕНИН.

* * *

Пушкин и он — нет ничего величественнее и дороже нам...

В нем, как я думаю, жило дерзкое и пытливое озорство Васьки Буслаева и часть упрямой души протопопа Аввакума, а где-то наверху или сбоку таился чаадаевский скептицизм. Проповедовало и терзало душу художника Аввакумово начало, низвергал Шекспира и Данте — озорник новгородский, а чаадаевское усмехалось над этими забавами души да — кстати — и над муками ее.

А науку и государственность поражал древний русский человек, доведенный до пассивного анархизма бесплодностью множества усилий своих построить жизнь более человечно.

М. ГОРЬКИЙ.

* * *

Высокая и простая поэзия, большая любовь к правде, сочетающаяся в нем с наиболее типичным восприятием всего, что является ложью или фразою, замечательная мощь психологического анализа, а также изысканное чувство природы, исключительная способность создавать типы, нечто живое и в то же время возвышенное, характеризует этот замечательный талант, который, оставаясь по преимуществу русским, уже приобрел в Европе поклонников, число которых будет лишь возрастать.

И. ТУРГЕНЕВ.

Об искусстве и жизни

«Бедный человек этот! Он уверен, что у него есть талант. И в самом деле, у него есть некоторый талант, умение выразить словами, описать то, что он видит. Но он не понимает того, что талант не в этом, а в том, чтобы выразить что-нибудь свое, новое, оригинальное. И оно есть в каждом человеке. Я никак не могу так смотреть на мир, как вы смотрите. И если вы мне расскажете, как вы смотрите, покажете мне ваше окошечко, я буду благодарен».

«...Главное — то, что художник не рассуждает, а непосредственным чувством угадывает типы. В жизни какое разнообразие характеров! Сколько существует различных перемещений и сочетаний характерных черт! И вот некоторые из этих сочетаний — типические. К ним подходят все остальные...»

«Почему вы не ставите для народа Шекспира? Может быть, вы думаете, что народ Шекспира не поймет? Не бойтесь, он не поймет скорее современной пьесы из чуждого ему быта, а Шекспира народ поймет. Все истинно великое народ поймет».

Л. ТОЛСТОЙ.

Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... Кого в Европе можно поставить рядом с ним? Некого.

В. И. Ленин.

Рис. Я. Штыкова.

Торжественное заседание в Москве

Вчера в Москве в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное заседание, посвященное памяти великого русского писателя Л. Н. Толстого в связи с 50-летием со дня его смерти.

Заседание открыл председатель правления Союза писателей РСФСР Л. Соболев. С докладом «Слово о Льве Толстом» выступил Л. Леонов.

Перечитывая его книги

«...Когда пробежал последний вагон с фонарем сзади, она была за водокачкой, вне защиты, и ветер набросился на нее, срывал с головы ее платок и облеплял с одной стороны платьем ее ноги. Платок снесло с нее ветром, но она все бежала.

— Тетенька Михайловна, платок потеряли! Платок потеряли! — кричала девчонка Машка, едва поспевая за нею.

...И с этой страшной ночи она перестала верить в добро».

Давно уже смолкли в стареньком репродукторе хрипы, означавшие «перерыв в одну минуту», и озабоченный голос диктора уже рассказывал о видах на урожай в Кустанайской области, а перед моими глазами все мелькали освещенные окна вагонов, все бежала в мокрую осеннюю ночь, заломив руки, женщина с черными, блестящими, как мокрая смородина, глазами.

Так гулом уходящего поезда, глубоким, чуть протяжным голосом Качалова впервые вошел в мою жизнь Толстой.

Много позднее связалась для меня с этим именем покорная формула о «непротивлении злу насилием», трагическая горечь «Крейцеровой сонаты» и отчетливая страстная ясность ленинских статей.

А пока просто, обхватив руками колени, всматривалась с подоконника в лунную отрадненскую ночь тоненькая девочка Наташа Ростова, и, возвратясь из кино с последнего сеанса, горько плакала над судьбой Анны Карениной тетя Груня, ночная сторожиха с нашего двора.

Можно пройти мимо тяжеловесной красоты толстовских фраз-периодов, не знать слов Чернышевского о Толстом — «диалектике души» и в школьном сочинении на тему «Мой любимый писатель» называть десятки других имен, но, раз повстречав уже нельзя забыть лучистые глаза и тяжелую поступь Марьи Болконской, массивную неуклюжесть Пьера Безухова и коротенькие завитки волос на шее Анны Карениной.

Человеческие судьбы, яркие человеческие характеры, трагическая противоречивость ломающихся и создающихся вновь общественных отношений, очерченные пером большого писателя, — все это не может не волновать всегда, во все времена.

Надо возвращаться к нему снова и снова, и каждая новая встреча принесет с собой такое богатство, которое нельзя безрассудно менять на внешнюю заинтересованность модных детективов.

Н. ЗВЕРЕВА.

Гений русской литературы

Горький назвал Льва Толстого самым сложным человеком XIX века. Вокруг имени этого писателя кипели жаркие споры, авторитет его и в России, и в Европе был огромным. И хотя Толстой громко, открыто бросал самодержавному строю обвинение в разложении и преступности правительство не решалось арестовать его. Один из царских сатрапов признался, что нет такой тюрьмы, которая вместила бы славу Толстого.

Страстная, живая сила обличения соединялась у этого великого писателя с «кричащими» противоречиями, и только марксистская критика оказалась в состоянии понять всего Толстого целиком. Семь ленинских статей посвящены раскрытию и историческому объяснению корней противоречивости толстовского творчества.

Гениальность Толстого бесспорна, но процесс творчества никогда не являлся для него одним порывом вдохновения. Ежедневно отдавал он многие часы литературному труду, и глубочайшая работа мысли, направленная на познание мира человеческих отношений, никогда не прекращалась. Встречавшиеся с ним люди вспоминают его особенный, пронзающий взгляд из-под нависших бровей, он проникал в самые сокровенные тайны сердца.

Мимо Ясной Поляны проходила Московско-Киевская дорога, прозывавшаяся Муравкой; по ней брело немало различного люда — крестьяне, мастеровые, нищие, странники, богомольцы. Каждый день Толстой совершал долгие прогулки по этой дороге и, разговаривая с прохожими, нередко доходил до Тулы, находящейся в 15 километрах от Ясной Поляны. Он не упускал ни малейшей возможности сближения с простыми людьми.

По железной дороге он ездил всегда в третьем классе; живя в Москве, ходил к Воробьевым горам пилить дрова с мужиками. Возвращался он усталый, в поту, но радостный и довольный. Во время переписи он выбрал себе для участия в ней самый бедный район Москвы, около Смоленского рынка, где находились ночлежные дома. Он ходил по грязным, вонючим каморкам и разговаривал с каждым ночлежником. Страшная правда российской действительности обнажалась перед ним и когда он боролся с голодом, кормил истощенных крестьянских детей, испуганных женщин, которых священники призывали не принимать помощи от графа-антихриста, грозили им небесной карой.

В крестьянской одежде, обутый в лапти, Толстой казался чужим в своем имении, где за столом прислуживали лакеи в белых перчатках. Двойственность домашней жизни терзала его, но только за месяц до смерти сумел он разорвать паутину условностей, опутавшую его. Железнодорожный билет, найденный в его кармане, был взят до Владикавказа, он стремился к простору вольных казачьих станиц, куда влекли его воспоминания молодости. Сердце Толстого принадлежало народу. Ленин говорил, что до Толстого подлинного мужика в русской литературе не было.

Знание жизни соединялось у Толстого с громадной эрудицией, а тончайшая чуткость — с темпераментом борца. Все его творчество пронизано горячим интересом к современности, к общественным вопросам.

Всегда Толстой искал простоты, ясности языка, чтобы быть понятным для всех. Постоянная неудовлетворенность написанным не покидала его. Десятки раз переделывал он одну и ту же страницу или фразу.

Илья Львович Толстой вспоминал, как однажды, когда они шли купаться, отец говорил ему об Анне Карениной: «Три дня с ней мучился и никак не мог заставить ее войти в дом. Не могу, да и только. Все выходит как-то не то. А нынче я вспомнил, что во всякой передней есть зеркало, а на каждой даме шляпка. Как только я это вспомнил, так она у меня пошла и пошла и сделала все как надо».

Самому писателю нужно было видеть поведение своих героев, проследить за каждым их шагом, сделать их живыми из плоти и крови, а ведь в конечном варианте этой сцены свидания Анны с сыном Сережей нет уже ни зеркала, ни шляпки, а только вуаль.

Толстой очень скуп в изображении, в отборе деталей, обстановки, мебели. Прочитав однажды в пушкинском отрывке «гости съезжались на дачу», писатель пришел в восторг: «Вот как надо писать, Пушкин приступает прямо к делу. Другой бы начал описывать гостей, комнаты, а он вводит в действие сразу».

Тщательно отобранная деталь ложилась ярким бликом, дополняя характеристику образа. Это или красные туго натянутые чулочки Кити, или большие уши мужа Анны, или заплатанная ночная кофточка Долли.

Способность Толстого проникать в психологический процесс, познавать «диалектику души» не имеет себе равных в мировой литературе.

В романе «Анна Каренина» есть сцена, когда Кити Щербацкая, полная радужных надежд, влюбленная в Вронского, приезжает на бал. Она любуется Анной, простой, спокойной, изящной. Но вот проходит какой-нибудь час, и Кити видит Анну и Вронского, танцующими в одной паре. Она поражена тем, как изменилась Анна, она видит улыбку, изгибающую ее губы, видит дрожащий вспыхивающий блеск глаз. Толстой не боится повторения одного и того же слова, чтобы дать почувствовать все обаяние этой женщины, пробужденное счастьем.

«Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких рук и ног, прелестно это красивое лицо в своем оживлении: но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести».

Взглянув на Вронского, Кити окончательно понимает, что ее несчастье совершилось. Исчезла спокойная беспечность Вронского, и теперь во взгляде его Кити увидела покорность и страх. Красота Анны кажется Кити ужасной и жестокой, так как она — причина гибели ее надежд. Ничего значительного не сказано, они говорят о пустяках, но все трое потрясены тем сложным и неотвратимым, что происходит в них.

Множество людей населяет произведения Толстого, и у каждого свои неповторимые черты характера и внешности. Юная и чистая Катюша Маслова, с черными, как мокрая смородина, глазами и сияющей улыбкой; добродушный, близорукий, толстый Пьер Безухов, настойчиво ищущий смысл жизни; жизнерадостная, очаровательная Наташа Ростова — все они вошли в нашу память со страниц романов Толстого и остались в ней навсегда. Горький говорил о «физическом бытии» толстовских героев, о том, что они «стоят перед нами такие живые, что пальцем тронуть хочется». Только ценой неизмеримого творческого напряжения можно было достигнуть такой зримости образа и силы впечатления.

«Мои произведения всегда стоили и стоят мне огромного труда», — писал Толстой.

«Иногда бывает так, что встанешь утром бодрый, свежий — голова ясная, — начнешь писать, выходит умно, последовательно, — а на другой день перечтешь, и приходится все выкинуть, потому что все хорошо, а главного нет и нет. Нет воображения, нет талантливости, нет того «чего-то», того «чуть-чуть», без чего весь твой ум ничего не стоит. В другой раз встанешь, не выспавшись, нервы подтянуты, — ну, думаешь, нынче буду писать хорошо.

И в действительности пишешь красиво, образно, воображения сколько хочешь, — и опять никуда не годится, потому что написано глупо. Краски есть, а ума не хватило. Только тогда может выйти хорошо, когда ум и воображение в равновесии».

Пейзаж у Толстого помогает понять внутреннее состояние человека. Любовь к природе сливается у писателя с его здоровьем и радостью жить, слушать, как дышит земля и пряно пахнут травы, по которым он любил ходить босиком.

В романе «Война и мир» есть страницы, которые рассказывают, как князь Андрей Болконский весной в тяжелом, мрачном настроении едет в рязанское имение. Дорога идет через березовый лес. Взгляд Андрея падает на огромный старый дуб с ободранными, обломанными ветвями, он кажется уродом среди свежих нежно-зеленых берез. Болконский думает, что этот неуклюжий, корявый дуб подтверждает его мысли о ничтожности и бессмысленности жизни. Андрею приходится по опекунским делам заехать к уездному предводителю Ростову. Там он встречает Наташу, в лунную ночь он случайно слышит ее разговор с Соней. Ее радостное, светлое восприятие жизни, ее беззаботный смех будят в нем какие-то новые мысли и смутные надежды. Возвращаясь домой, он въехал в ту же березовую рощу, где рос старый дуб. Сначала Андрей не узнал его. Дуб стоял преображенный, покрытый шатром сочной, темной зелени, и Болконский вдруг испытал веселое чувство радости, и ему вспомнилась тоненькая черноглазая девочка, взволнованная красотой лунной ночи.

Иногда картины природы выступают контрастом к настроениям и чувствам героев.

Любимые герои Толстого видят радость в близости к природе и к народу, в простом физическом труде, но в капиталистическом обществе уродуется все: и природа, и людские отношения. Таким противопоставлением чудесного весеннего утра и суда над Катюшей Масловой начинается роман «Воскресение». «Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — больше взрослые люди — не переставали обманывать и мучить себя и друг друга».

Могучий голос Толстого, его изумительное художественное мастерство, его любовь к людям, — все это отдано человечеству как щедрая дань русского народа. В наши дни, когда все прогрессивные силы борются за мир, особенно близко нам и современно звучат толстовские слова:

«Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или истребления себе подобных?».

М. БОРЖЕК,
кандидат филологических наук.

«Злейший нераскаянный» враг церкви

Советский народ отмечает пятидесятилетие со дня смерти Л. Н. Толстого. Только церковники вынуждены замалчивать память о величайшем писателе России. Между тем русская православная церковь немало способствовала прославлению великого писателя. Во всех церквах России в мрачном и торжественном оформлении специального обряда по решению «священного» синода Лев Толстой — гордость русского народа был предан анафеме (церковному проклятию), как когда-то анафеме были преданы Степан Разин и Емельян Пугачев.

Уже в юности Л. Толстой не верил в православие. К восьмидесятым годам он становится злым гением официальной церкви. В ряде своих произведений он наносит церкви удар за ударом, едко, точно, с гениальной убедительностью показывает ее лицемерие и мерзость. Так, в романе «Воскресение» писатель изображает фальшивую обстановку царского суда, пошлость и духовную пустоту его вершителей и рисует облик священника, обязательного участника судебного заседания. Священник этот священствовал сорок шесть лет, служил в суде со дня его основания, гордился этим и тем, что «в своих преклонных годах он продолжает трудиться на благо церкви, отечества и семьи, которым он оставит, кроме дома, капитал не менее 30-ти тысяч в процентных бумагах».

В известной сцене богослужения в тюрьме Толстой с потрясающей всеобнажающей силой показывает бессмысленность, вздорность и обман обряда причащения, который церковь считает главным и важнейшим обрядом. Под пение молитв о здравии императора и его семейства, под чтение дьячка священник в странной богослужебной одежде режет хлеб, макает его в вино и превращает в тело и кровь бога путем поднятия рук, опускания на колени, целования стола, на котором стоит блюдечко и золотая чаша, помахиванием над столом салфеткой. После того, как священник сам отведал полученные таким образом кровь и тело бога, остатки предлагаются всем желающим. Когда несколько детей откушало, «...священник унес чашу за перегородку и, допив там всю находившуюся в чашке кровь и съев все кусочки тела бога, старательно обсосав усы и вытерев рот и чашку, в самом веселом расположении духа, поскрипывая тонкими подошвами опойковых сапог, бодрыми шагами вышел из-за перегородки». Священник «...верил не в то, что из хлеба сделалось тело, что полезно для души произносить много слов или что он съел действительно кусочек бога, — в это нельзя верить, — а верил в то, что надо верить в эту веру. Главное же, утверждало его в этой вере то, что за исполнение треб этой веры он восемнадцать лет уже получает доходы, на которые содержал семью, сына в гимназии, дочь в духовном училище».

Писатель презирал духовенство. Секретарь писателя Н. Н. Гусев вспоминает отзыв Толстого о митрополитах и архиереях: «Разве можно с ними разговаривать! Им можно только сказать: ку-ку!»

Царское правительство вместе с духовенством делало все, что в его силах, чтобы обезвредить и затравить великого писателя. Произведения Л. Н. Толстого запрещались к печати, уродовались цензурой, подвергались аресту и уничтожению. Известный священник Иоан Кронштадский даже сочинил молитву, в которой говорилось: «Господи, умиротвори Россию ради церкви твоей, ради нищих людей твоих, прекрати мятежи и революции, возьми с земли хульника твоего, злейшего нераскаянного Льва Толстого и всех его горячих закоснелых последователей...»

После предания Толстого церковному проклятию, церковники пытались организовать травлю писателя.

В ответ на проклятие «священного» синода и происки духовенства Толстой пишет: «Я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения. И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал завещание своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковнослужителей...».

Но Л. Н. Толстой не был атеистом. Более того, он предлагал взамен ненавистной ему казенной церкви новую «хорошую» религию. Это была крайне реакционная идея. В. И. Ленин назвал стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственным убеждениям самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщиной. Толстой отрицал церковь, но оставлял бога. Он отрицал всякие суеверия, но выступал против науки. Он страстно желал гибели существующего строя, но проповедовал «непротивление злу насилием». Слабой стороной его мировоззрения пытались воспользоваться либералы, они выдвигали на передний план предрассудки, а не разум Толстого. В наше время некоторые проповедники баптизма также пытаются, предав забвению ту помощь, которую баптисты посильно оказывали церкви и самодержавию в травле писателя, пригладить его чуть ли не под апостола христианства и баптизма. Всякие попытки такого рода В. И. Ленин разоблачил в ряде статей о Л. Н. Толстом.

Ленин показал, что, изучая Толстого, рабочий класс лучше узнает своих врагов, а весь русский народ поймет, что учиться бороться нужно не у Толстого, а у пролетариата.

Е. КАРПОВСКИЙ.

ИЗ ПРОШЛОГО

Жандармская „забота“

В июле 1901 года Л. Толстой тяжело заболел. Опасаясь в случае смерти Л. Толстого народных манифестаций, товарищ министра внутренних дел Святополк-Мирский в циркуляре костромскому губернатору предписывал разрешать устройство собраний и вечеров для чествования памяти Толстого лишь благонадежным лицам, следя за неуклонным выполнением программ «в пределах разрешенного» и не допуская никаких демонстративных речей.

Святейший синод, отрешивший великого писателя от церкви, запретил служить о нем панихиды. Доводя это до сведения костромского губернатора, министр внутренних дел, костромской уроженец Сипягин, лично знавший о любви костромичей к писателю, распорядился не разрешать печатание в местных изданиях объявлений о панихидах и принять меры к устранению всяких демонстративных требований о служении панихид.

Одновременно, боясь слишком перегнуть палку и вызвать сильное недовольство в стране, правительство дало указание редакциям газет и журналов в случае кончины Л. Н. Толстого не препятствовать помещению в изданиях некрологов и обзоров литературной деятельности при соблюдении объективности и осторожности. Иными словами, редакциям поручалось посредством пустых и избитых фраз об «идеях правды и добра», о «голосе цивилизованного человечества» отвлечь читателей от коренных взглядов Толстого на государство, на религию, на частную земельную собственность.

Но костромским властям не удалось втиснуть всенародное выражение любви к Толстому в прокрустово ложе казенного изъявления формальных соболезнований. Об этом свидетельствует отношение костромского губернатора уездным исправникам от 28 февраля 1902 года.

«...Получены сведения, что при обсуждении в некоторых революционных кружках форм демонстративного противоправительственного протеста в случае кончины графа Льва Толстого, между прочим, остановились на мысли устроить в день получения известия о смерти шумные демонстрации в театрах, с требованием в знак траура прекратить представление».

Однако в 1901 г. Л. Толстой выздоровел. Но костромские власти и в дальнейшем всячески препятствовали народному выражению уважения к великому писателю. В 1908 году костромской губернатор-черносотенец А. П. Веретенников запретил отмечать 80-летний юбилей со дня рождения Л. Н. Толстого, в 1910 году власти препятствовали траурным манифестациям.

Давно канули в лету губернаторы и исправники. Но документы, хранящиеся в архивах, лишний раз подтверждают, как был страшен господствующим классам великий правдолюбец.

В. БОЧКОВ,
старший научный сотрудник областного архива.

Об искусстве и жизни

«Мыслитель и художник никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских высотах... Он всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог решить и сказать то, что дало бы благо людям; избавило бы их от страдания, дало бы утешение, а он не так сказал, не так изобразил, как надо; он вовсе не решил и не сказал, а завтра, может, будет поздно — он умрет... Гладких, жиирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает».

«Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек... Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость».

«Представлял себе, как прокурор или жандарм будет требовать от меня подписки не писать или чего подобного, говоря, что у меня на это высочайшее повеление. Не может быть высочайшее, потому что у меня высочайшее, — защищать братьев своих и обличать их гонителей. Есть только два средства заставить замолчать меня: или то, чтобы перестать делать то, что я обличаю, или убить меня, или запереть на век; действительно только первое, и потому скажите тем, кто вас послал, чтобы они перестали делать то, что делают».

Л. ТОЛСТОЙ.